

Жорж Санд

Королева Квакуша

В Нормандия или Пикардии, хорошенько не припомню, в большом старинном замке жила знатная владелица больших поместий, старая барыня, которая несмотря на свои преклонные года была очень добрая и рассудительная женщина. Замок был окружен рвами, поросшими тростником, кувшинками, морским ситником и тысячью других красивых диких растений, в которых жило множество лягушек, некоторые из них были такие старые и огромные, что нельзя было надивиться их громадным размерам и громкому голосу. Владелица имения, которую звали г-жой Иоланд, прекрасно спала под кваканье их, да и все жители замка совершенно привыкли к нему.

Случилась большая засуха. Вода во рвах пересохла, тростник и другие растения погибли, множество лягушек, саламандр и других маленьких животных, живших в тех растениях, умерло, отчего грязь наполнилась миазмами и стала распространять дурной болотный запах. В замке и его окрестностях появилась злокачественная лихорадка, которою заболела и г-жа Иоланд со всеми почти жителями замка.

У г-жи Иоланд были дети, которые все пристроились в других странах. При ней находилась только пятнадцатилетняя внучка ее Маргарита, очень сметливая и бойкая девочка и такая услужливая, что несмотря на то, что она была вовсе некрасива, все любили ее без ума. Она была мала ростом, но ловка и довольно грациозна, зато нос ее был слишком мал, глаза ужасно круглы, рот громадный. Г-жа Иоланд, бывшая в свое время красавицей, иногда говаривала: какая жалость, что такое милое и смышленное дитя походит на лягушечку!

Может быть, вследствие этого сходства Маргарита любила лягушек и жалела, когда они стали умирать от голода и жажды в пересохших рвах. Несмотря, однако же, на привязанность ее к этим невинным животным, ей пришла мысль, что хорошо было бы совершенно высушить рвы и обработать их под сады. Насаженные во рвах плодовые деревья были бы защищены от морозов, очищенная почва перестала бы распространять вредные испарения, и лихорадки непременно бы прекратились в замке и окрестностях его. Во время болезни бабушки и старых служителей Маргарита так заботливо ходила за ними, что благодаря попечению ее все больные выздоровели, а когда настала зима, она сказала бабушке, которой еще прежде сообщала свою мысль:

— Милая бабушка! Рвы теперь пока без воды, мороз истребил всех животных и все растения. Пригласим работников до начала весны и, не дожидаясь дождей, которые воскресят все болотное царство, велим вычистить сор и прокопать борозды для стока воды. Заменяем дурную землю хорошей, посыплем песком аллеи, будем сеять и сажать, а в будущем году о болезнях не будет и помину.

— Делай как знаешь, Маргариточка, — отвечала г-жа Иоланд. — Ты рассудительная девочка, и я тебе предоставляю распоряжаться рабочими.

Маргарита поспешила отдать приказания и недели через две очистили все большие рвы, устроили прекрасные цветники, усыпали песком прелестные аллеи, а в марте насадили вдоль стены шпалерником деревья; посреди цветников появились редкие кустарники, на клумбах цветы. В мае все зазеленело и расцвело. В каждом отделении цветников устроили мраморные бассейны, в которых дождевая вода оставалась чистой и прозрачной, а в ней плескались прекрасные рыбки огненного цвета и чудные белоснежные лебеди. Маргарита устроила красивые шалаши, окрашенные зеленой краской, куда поместила своих лебедей и

павлинов. Щеглята, зяблики стали вить гнезда на деревьях. Сады были так хорошо защищены от жары и холода, что она с удовольствием проводила в них почти все время, да и г-жа Иоланд частенько спускалась в сад по отлогой лестнице, устроенной для нее заботливой внучкой.

Настало лето, а о болезнях не было и слуха. Однажды Маргарита спросила бабушку, довольна ли она была ее распоряжениями?

— Конечно довольна, — отвечала старушка, — потому что ты всем оказала важную услугу; но откровенно тебе признаюсь, что, припоминая бывшее время моей молодости, я невольно начинаю грустить, разумеется не о болоте, а о прекрасной прозрачной воде, которой было в изобилии в нашем поместье; а по моему мнению, вода служит лучшим украшением жилища знатных людей. Теперь наш замок более походит на мещанский домишко, и я уверена, что наши соседки подсмеиваются над нашими плантациями, полагая, что мы собираемся торговать плодами на рынке.

Маргарита так смутилась от слов бабушки, что, покраснев, опустила голову. Г-жа Иоланд поцеловала ее и, чтобы утешить, сказала:

— Теперь дело уже сделано, оно принесло пользу, а нужно всегда предпочитать полезное приятному. Мы будем есть наши яблочки, а соседки будут пустословить. Продолжай свои занятия и будь уверена, что я тебя одобряю.

Оставшись одна, Маргарита крепко призадумалась. Она никогда не видела рвов, наполненных прозрачною водою, может быть, воображение бабушки несколько преувеличивало красоту их, но Маргарита и сама припоминала, как она любовалась роскошной зеленью, покрывавшей их точно изящным узорчатым ковром с крупными букетами гигантского тростника, поднимавшего свои головки темно-коричневого бархата. Она припоминала и водяную чечевицу, и волчью траву с красивыми букетиками белых и красноватых мелких розанчиков, и водяные лютики с тысячью матово-серебряных цветочков, плавучий шильник, водяную лазорево-голубую веронику и, наконец, всевозможные мхи, которыми она забавлялась в детстве, свертывая их в гнездышко; из длинных оленьих языков она делала себе пояса, а из красивого папоротника — плюмаж. Она вспомнила все это, и ей стало так жаль прошлого, что прекрасный сад ее показался ей скучным и некрасивым.

— Я уничтожила все, что мне нравилось и о чем бабушка сожалеет, — подумала Маргарита.
— Может быть, осенние дожди и в нынешнем году привели бы все в прежний вид.

Она взглянула на свои мраморные бассейны, на красных рыбок и прекрасных лебедей и горько заплакала, вполне убеждаясь, что все это не стоило больших лягушек, саламандр, водяных ящериц и тысячи животных, которые некогда резвились во мху и тине. Сквозь слезы она смотрела на прозрачную воду, струившуюся по чистому желобку из переполненных бассейнов, и бессознательно следила за свободным течением струйки, стремившейся по полянке к хорошенькому ручейку.

Маргарита шла по сырой траве до самого ручейка, куда вода тихо пробегала, скрываясь в дерне; она пришла к берегу, где от сильного скопления воды образовалось довольно большое болото, которого до сих пор она не замечала. Дно реки было весьма неглубоко, а деревья, поваленные грозой, замедляли в этом месте течение ее, и потому вода, прибывшая с поляны, останавливалась у берегов. Тростник, украшавший прежде стены рвов, теперь переплелся в беспорядке со своими товарищами — волчьей травой, шильником, водяным ситником, ирисами, белым лютиком и голубыми верониками, а вокруг этой растительности роились мириады различных насекомых. Большие и маленькие стрекозы, веснянки, коромысла, стрекозы красные как коралл, голубые, зеленые и блестящие как бриллианты, легкие перлянки, прозрачные воздушные поденки и другие с черными крапинками,

восхитительные цветочки с розовыми точно осыпанными изумрудами крыльями — и весь этот мир насекомых роился, разлетался или гонялся друг за другом в чудной зелени великолепного папоротника. Между стебельками этого крошечного девственного лесочка копошились жесткокрылые то золотисто-бронзового цвета, то аспидного оттенка или ярко-красного, будто раскаленного на огне; тростянки и жуки-головастики — жильцы земли, которые как будто заняли свой блеск у металлов, как воздушный мир бабочек занимает его у цветов, а сетчатокрылые у солнечных лучей. Тяжелые дитики менее ярких цветов плавали с удивительно ловкостью в воде, которую туча двукрылых долгоногих комаров осыпала словно золотой пылью.

Маргарита вспомнила то время, когда она любовалась играми этих маленьких созданий и вместе с тем плаванием лягушек. Но как она ни искала их, все было напрасно. Всего было много в воде, исключая лягушек. “Да неужели же нет ни одной лягушки на всем земном шаре? — подумала она, — ни маленькой, ни большой, и не я ли причиной истребления бедных животных?”

Солнце, скрывшееся за большую темную тучу, снова озарило всю поляну таким лучезарным блеском, что Маргарита принуждена была на мгновение закрыть глаза, и, открыв их, она увидела себя уже не на берегу болота, а на островке, образовавшемся из ветвей и корней. Она была окружена глубокой прозрачной водой, которая искрилась тысячами блесток. Солнце так приветливо освещало все болото, что оно оказалось очаровательным; вода блестела в нем, точно расплавленное золото, камыш представлялся пальмами, покрытыми изумрудными и яхонтовыми плодами, а со старой наклоненной к берегу ивы сыпались дождем лазоревые с серебристыми брюшками насекомые, спешившие упиться соком из лиловых цветочков посконника. Маргарита была так очарована необыкновенным зрелищем, что и не подумала разъяснить себе, каким чудом она туда попала и как оттуда выйдет.

Вдруг ей послышалось слабое невнятное пение, выходившее как бы из воды. Вскоре это пение перешло чуть слышным лепетом в траву; мало-помалу голоса становились громче, а слова яснее, и наконец Маргарита услышала свое имя, повторяемое тысячами тонких голосов, кричавших: Марго, Марго, Марго, Марго!

— Что это там такое? — проговорила она. — Чего вы от меня хотите?

Тогда все ящерицы, саламандры, водяные пауки, речные полипы, треляки и стрекозы начали все вместе говорить, не переставая в то же время и прыгать, скользить, нырять, летать и неистово плясать, повторяя: Марго, Марго! на всевозможные тона, так что совершенно оглушили Маргариту.

— Послушайте же меня, — сказала она, затыкая уши, — если вы хотите, чтобы я вас поняла, то не говорите все разом, а растолкуйте мне пояснее ваше требование.

Наступило молчание, все животные притихли, солнце снова скрылось, а из раздвинувшегося тростника вдруг явилась необыкновенная зеленая лягушка, с черными крапинами, такая громадная, какой испуганная Маргарита никогда еще не видывала.

— Если твои намерения чисты, тогда не пугайся, — сказала ей лягушка голосом, звучащим подобно ракете. — Но знай, что если ты имеешь некоторую власть на земле, то я всемогуща в этих водах и травах, одним словом — я всемогущая королева Квакуша! Тебя я коротко знаю, потому что долго жила под окном твоего старинного жилища. В то время я повелевала многочисленным населением, рожденным от меня, и мы все тебя любили, потому что и ты нас любила. Мы подметили твое наружное сходство с нами и признавали тебя за свою сестру. Каждый день ты приходила смотреть на нас, наши ловкие движения тебя восхищали, а мелодичные голоса прогоняли твою тоску. Ты никогда не делала нам зла, и потому я не обвиняла тебя в наших несчастьях. Засуха истребила мой народ, увы! и я одна пережила это

бедствие; одна я, следя капля за каплей за водой, бежавшей к этой луговине, основалась здесь и останусь до тех пор, пока не произойдет от нового моего брака новое поколение. Выслушай же меня внимательно: — отрекись от всякой попытки высушить мое новое царство, как ты высушила рвы твоего жилища. Здесь я хочу основать свою резиденцию, и знай, что если ты не пощадишь и этот луг, тогда горе тебе и всему твоему семейству!

— Вы, право, смеетесь надо мною, сударыня, — смело возразила Марго. — Я догадываюсь, что вы волшебница, а в таком случае вы знаете, что я никогда не имела намерения огорчить вас, я даже готова оказать вам от чистого сердца всякую услугу, потому что вижу ваше горе и сострадаю вам.

— В таком случае я открою тебе всю мою душу, мое прекрасное дитя, и расскажу тебе все мои несчастья. Пойдем вместе со мною в мой хрустальный дворец, там ты услышишь о чудесах, которые никогда не доходили до человеческого слуха.

Тут королева Квакуша нырнула в самую глубину, и доверчивая Маргарита готова была последовать за нею, как вдруг почувствовала, что кто-то остановил ее за юбку. Она обернулась и увидела стоявшего за нею прекрасного Геба, самого большого и ручного из лебедей ее. Он был любимцем ее, и на нем было золотое ожерелье. В то самое мгновение все волшебные чары лягушки потеряли свою силу, сознание возвратилось к Маргарите, и она испугалась, увидевши себя в воде, окруженной глубоким мраком, потому что солнце уже скрылось, небо было покрыто тучами, и она не знала, куда ступить, чтобы выбраться из болота.

— Ах! милый мой Геб, — сказала она лебедю, лаская его, — как ты меня здесь отыскал и научи меня, как выйти отсюда.

Лебедь ловко ухватился за платье и стал тащить ее изо всей силы. Она старалась помочь ему и, наконец, почувствовала под ногами песок и камни; но едва только вышла она из болота, как лебедь исчез. Напрасно она звала его, обошла всю местность, даже решила идти опять на островок, умоляла лягушку сказать ей, куда скрылся лебедь, — все безмолвствовало, а ночь становилась все темнее и темнее.

— Уж не во сне ли я все это видела? — подумала она, — или не пошел ли Геб прежде меня в замок?

Она поспешила к бабушке и, повидавшись с нею, пошла удостовериться, не пришел ли Геб, но ни в шалаше, ни в саду, ни на дворе, ни на ферме, — нигде его не было, и это ее сильно тревожило.

Бабушка также очень беспокоилась о Маргарите, которая сказала ей, что замечталась у ручья, но, боясь ее насмешек, не осмелилась рассказать ей о чудесах, которые она слышала и видела, тем более, что и сама не совсем верила в действительность их. Исчезновение лебедя смущало ее и, когда после напрасных поисков все улеглись спать, она не могла заснуть, а открыв окно, стала смотреть во все стороны и тихим свистом звать своего прекрасного лебедя. Наконец, утомившись от напрасных ожиданий, она бросилась в постель, слушая раскаты грома и свист ветра.

Вдруг ей послышался нежный голос, походивший на отдаленную музыку, который ей говорил:

— Не страшись ничего, я забочусь о тебе, но не доверяйся королеве Квакуше, благоразумная девица не должна пускаться в разговоры с незнакомыми лягушками.

Проснувшись, она очень скоро поняла, что ей приснились и звуки, и слова, и почти убедилась, что и все происшествия, которые случились с нею накануне, были действием

воображения, тем более, когда, подойдя ко рвам, она увидела своего прекрасного лебедя, плавающего в бассейне. Она его окликнула и, лаская, стала кормить хлебом. Он ел хлеб с прежнею жадностью и принимал ласки по обыкновению равнодушно, потому что, хотя был красивым и ручным, но, по природе своей, не смышленнее других лебедей. Маргарита попыталась поговорить с ним, но он не обратил на это никакого внимания, а когда насытился, то отправился охорашиваться на солнышке, приглаживать свои перышки и чесать брюшко, после чего преспокойно заснул.

Маргарита стала, однако же, искать причину своим сновидениям и, наконец, вспомнила, что в детстве она с удовольствием слушала сказки бабушки, под которые всегда засыпала, и что в одной из них говорилось о волшебнице-лягушке, делавшей разные чудеса; но не смотря на все старание она никак не могла припомнить всего содержания сказки.

— Она-то и бродила у меня в голове, — подумала Маргарита, — и чтоб успокоить воображение, я непременно попрошу бабушку рассказать мне ее снова, и мы посмеемся с ней.

Она пошла к г-же Иоланд в гостиную, но совершенно растерялась, увидев там молодого человека, белого, румяного, завитого, напудренного по последней моде, в прекрасном офицерском мундире небесно-голубого цвета, отделанном серебряным галуном. Наружность его и костюм так поразили ее, что она совсем позабыла и о лягушках, и о волшебницах.

Молодой человек встал и подошел к ней с такою ловкостью, как будто собирался протанцевать менуэт. Он поцеловал ей руку и сказал самым вкрадчивым голосом:

— Наконец-то я вас увидел, милая кузина Маргарита! Как я счастлив познакомиться с вами! Вы выросли, но лицо ваше несколько не изменилось.

Маргарита покраснела, приняв это за комплимент, и не знала, что отвечать. Она совсем не узнавала того, кто называл ее кузиной.

— Милое дитя мое, — сказала г-жа Иоланд, — неужели ты забыла своего кузена Мелидора де Пюиперсе? Правда, ты была совсем ребенком, когда он уехал офицером. Теперь ему двадцать лет, его родственники добыли ему полк, и он уже полковник драгунского полка. Поцелуйтесь, дети мои, и будьте по-прежнему друзьями.

Маргарита вспомнила теперь о кузене, которого в детстве терпеть не могла, потому что он любил всех дразнить и всегда был праздным. Но так как она не была злопамятна, то и подставила ему щеку, к которой он едва прикоснулся губами с насмешливым видом, который огорчил ее. Она решила, что он или неблагодарный, или забыл все мелкие неприятности, за которые она на него сердилась.

Он продолжал разговор, и она прислушивалась с большим вниманием, потому что он говорил о чудесах Парижа: о спектаклях, о празднествах и балах, на которых он отличался. Рассказывал о модах и о женских нарядах и казался таким знатоком, что Маргарита стала стыдиться своего скромного платьица с красными цветочками и узенькой ленточки, поддерживавшей ее прекрасные волосы. Что же касается его, то он не обращал никакого внимания на ее досаду, а г-жа Иоланд находила своего племянника изменившимся к лучшему. Она улыбалась, слушая его болтовню, которая ей смутно напоминала бывшее время ее успехов в свете. За обедом г-н де Пюиперсе нашел все блюда плохими, даже и пирожное, которое Маргарита отлично готовила и которое всем нравилось; он отнесся с совершенным пренебрежением к прекрасному яблочному сидру — местному, родному произведению и, не стесняясь, попросил шампанского, которое сей же час, по приказанию бабушки, поспешили подать, но и шампанское он нашел слабым, а между тем пил так неумеренно, что начал болтать вздор.

Г-же Иоланд не понравились его выходки, и она сказала ему:

— Иди спать, мой милый, я уверена, что тебя приучали к вежливости, и потому завтра ты освежишься и поймешь, что неловко выказывать пренебрежение к тому, что тебе радушно предлагают.

Маргарита была очень довольна уроком бабушки и, засыпая, нисколько не думала о кузене; но так как в сердце человеческом, даже самом рассудительном, всегда найдется уголок для тщеславия, то и Маргарита на другой день, при всем своем благоразумии, упрекнула свою горничную за то, что та подавала ей всегда самые дурные платья, и потребовала одно из новых.

Тогда горничная подала ей нарядное шелковое желтое платье, подаренное бабушкой. Но г-жа Иоланд давно уже не выезжала из деревни и потому не имела никакого понятия о нарядах, а Маргарита до сих пор находила коротенькие юбки из прочной ткани самым удобным костюмом для своих занятий в садах. Она вообще не любила нарядов, а надев желтое платье, отделанное лентами огненного цвета, она доставила молодому Пюиперсе прекрасный случай посмеяться над нею. Но, по-видимому, урок г-жи Иоланд сохранялся еще в его памяти, и Маргарита даже удивлялась его вежливости и любезностям, которые он говорил ей. Он извинялся во всем, что наговорил неприятного накануне, уверяя, что это произошло от головной боли, которой он часто страдал; одним словом, он употреблял все старание загладить свою прошлую вину. Маргарита, желая со своей стороны оказать ему внимание, любезно предложила после завтрака пройтись по саду. Она восхищалась его похвалами и расспросами обо всем, что видел. Взглянув на красных рыбок, он спросил, вкусны ли они, а любуясь лютиками, назвал их тюльпанами. Он с удовольствием смотрел на плавающих лебедей, находя, что для охотника они могли бы служить прекрасною целью.

Но эти слова не прошли ему даром. Геб точно понял значение их и с яростью бросился на Пюиперсе, ударяя его крыльями и клювом. Встревоженная Маргарита боялась, чтоб, защищаясь от его нападений, драгунский полковник не сделал бы его жертвою. Но не тут-то было! Прекрасный полковник искал спасения возле своей кухни, тогда Геб пришел в еще большее ожесточение и стал щипать ему икры, а храбрый кузен обратился в бегство и, дрожа от страха, приютился за садовой решеткой, которую он запер, чтобы защититься от нападений врага. Маргарита могла с трудом оттолкнуть разъяренную птицу и перейти к кузене, испуг которого очень удивил ее; но он объяснял причину своего бегства страхом лишиться ее любимой птицы, которую он мог легко убить в припадке гнева, защищаясь от ее нападений.

Маргарита готова была всему верить и все простить и потому с удовольствием продолжала прогулку с кузеном; она старалась обратить внимание его на прекрасные высокие деревья, окружавшие сад, а он спросил ее о стоимости их.

— Я право не знаю, сколько они стоят, — отвечала Маргарита, — потому что они не продаются.

— А когда они будут вашей собственностью? Бабушка мне утром сказала, что она вам отдаст после смерти своей все, чем владеет в этой местности.

— Она никогда мне об этом не говорила, и я вас прошу, Мелидор, не говорить мне о смерти бабушки.

— Нужно, однако, привыкать к этой мысли, она уже очень стара и желает прежде смерти отдать вас замуж.

— Я не выйду ни за кого, — воскликнула Маргарита, — потому что никогда не решусь расстаться с моею доброю мамою, которая меня воспитывала и которую я люблю более

всего в мире.

— Это все очень мило, но тетушка Иоланд недолго проживет, и вам необходимо приискать хорошего мужа, который устроит ваши дела, продав все эти поля, луга и этот отвратительный старый замок, в котором вы заживо погребены. Тогда, милая Маргарита, вы будете наряжаться по последней моде, ездить ко двору, у вас будет прелестный экипаж, выездные лакеи, бриллианты, ложа в опере, отличное помещение в Париже, — одним словом все, что составляет счастье женщины.

Сначала Маргарите не понравились рассуждения ее кузена, но он не переставал делать оценку всему, что осматривал, и так напел ей в уши о будущем богатстве ее, что она сама призадумалась и даже удивилась, как до сих пор ей не приходилось об этом подумать.

Они сами не знали, как очутились у болота. Вдруг Пюиперсе вскрикнул:

— Ах, какая чудная лягушка! Никогда еще не видел я такой громадной, а лягушки — очень вкусное блюдо, я ею воспользуюсь.

Лягушка беззаботно покоилась на солнышке. Он поднял уже свою палку.

— О, не убивайте ее, — воскликнула Маргарита, останавливая его за руку, — если не хотите огорчить меня, не трогайте это бедненькое животное.

— Это отчего? — спросил удивленный кузен и, обернувшись к ней, взглянул на нее как-то особенно выразительно.

Взгляд его смутил Маргариту; но под влиянием своих сновидений и, не давая себе никакого отчета в своих словах и действиях, она тихонько толкнула лягушку кончиком своего зонтика, сказав: — Проснитесь, сударыня, и спасайтесь скорее.

Лягушка нырнула и скрылась, а полковник покатывался со смеху.

— Чему вы так смеетесь? — спросила его Маргарита. — Я не люблю, чтоб мучили животных...

— Особенно лягушек, — возразил Пюиперсе, продолжая смеяться до слез. — Вы покровительствуете лягушкам и, как видно, с ними очень вежливы, даже в самых близких отношениях!

— А хотя бы и так, — сказала Маргарита, — что вы находите в этом смешного?

— Ничего, конечно, — отвечал Пюиперсе, принимая серьезный вид, — если лягушка смышлена и ловка... то и к ней можно привыкнуть и привязаться, — она такое же животное, как и любое другое... Обещаю вам, кузина, не обижать никогда ваших друзей; а теперь поговорим о другом, и верьте мне, что я от чистого сердца признаю вас за самую милую особу и уверен, что узнав свет, вы много выиграете.

— А свет, верно, очень увлекателен, — думала Маргарита, когда она возвращалась домой, опираясь на руку полковника. Ее мучило любопытство, и в тот же вечер она не могла не спросить у г-жи Иоланд, отчего она перестала выезжать из деревни.

— Эге! Марго, — отвечала добрая старушка, — вот ты и скучаешь в деревне! Потерпи, дитя мое, я уже очень старая и скоро, скоро ты будешь свободна располагать собою.

Маргарита залилась слезами и, бросившись на шею г-жи Иоланд, не в силах была произнести ни одного слова. Г-жа Иоланд поняла ее доброе сердце и привязанность к ней и, обратившись к своему племяннику, сказала:

— Ты ошибся, мой друг, в своих расчетах. Марго не скучает со мною и не желает расставаться. А ты можешь возвратиться в свой полк и веселиться сколько тебе угодно.

— Вы меня гоните, милая тетушка, — отвечал он, — и я имею честь откланяться. Завтра рано утром я уеду. Прощайте, Маргарита, поразмыслите хорошенько, — и он, ловко раскланявшись, удалился.

— Что это все значит, добрая мама? — воскликнула Маргарита, когда он ушел.

— Это значит, дитя мое, что от тебя будет зависеть выйти замуж за твоего кузена Пюиперсе.

— Как? Разве он приезжал, чтобы посвататься за меня?

— Нет, он об этом прежде не думал, но сегодня утром ему пришла эта мысль.

— А отчего?

— Может быть, ты ему понравилась, — сказала улыбаясь г-жа Иоланд.

— Бабушка! Не смейтесь надо мною! Я знаю, что я нехороша. Ведь вы сами называли меня часто лягушонком.

— А это не мешает же мне тебя любить, следовательно, можно быть лягушонком и внушать привязанность.

— Кузен меня слишком мало знает и потому не мог полюбить. Скажите мне правду, бабушка, ведь он не может меня любить!

— Ты лучше меня можешь решить этот вопрос, вы гуляли вместе целое утро без меня. Он, вероятно, наговорил тебе много любезностей, а ты, может быть, призналась, что не прочь выйти замуж, чтобы иметь значение в обществе и выезжать в свет.

— Нет, бабушка, он солгал, я этого не говорила.

— Может быть, подумала. А он такой лукавый, что отгадал твои мысли.

Маргарита никогда не лгала, и потому замолчала. Г-жа Иоланд догадалась о причине ее молчания и сказала ей:

— Послушай, милое дитя, ты ухаживала за мной и заботилась о моей старости, а я должна стараться доставить тебе счастье и блестящее положение в твоей молодости. Ты будешь богата, и кузен твой это знает. Я не стану говорить о нем ни хорошего, ни дурного. Ты умна и рассудительна и сама произнесешь о нем свой приговор. Он советовал тебе поразмыслить. Поди отдохни и, если завтра утром ты пожелаешь удержать его, то распорядись об этом сама.

Маргарита была так взволнована происшествиями этого дня, что не могла заснуть, а предалась различным предположениям и размышлениям. Она не чувствовала никакой привязанности к своему кузену, но почему знать, может быть он и полюбил ее, несмотря на ее некрасивую наружность. А если он сумел оценить ее ум и любезность, то это доказывало и его ум, а сначала он показался ей глупым и неприятным. Положим, что у него было много недостатков, он легкомыслен, расточителен и любит хорошо поесть, но у него было доброе сердце, потому что он сразу уступил ее просьбе, когда узнал, что она любила животных, и ко всему этому, он не был упрям. “Я так дурна собой, — думала Маргарита, — что могу понравиться разве такому же дурнушке, как и я сама, и тогда все скажут: она и не могла рассчитывать на красивого. Ведь очень простительно желать красивого мужа, чтобы, гуляя с ним под руку, иметь удовольствие слышать: Марго на лицо точно лягушка, а все-таки она

умела понравиться этому красавцу, напудренному, расфранченному, он полковник и мог бы выбирать между всеми красавицами! Я не могу расстаться с бабушкой, что ж! Если он меня любит, то согласится оставить меня с ней, а сам будет приезжать к нам почаще. Бабушка не стесняет мою свободу и я должна решиться прежде наступления утра, потому что, если я не остановлю его отъезда, тогда он будет недоволен и более не возвратится. Не написать ли ему письмо? Можно его пораньше передать. Недостает смелости! Не понимаю, отчего он так испугался моего лебедя и отчего лебедь так злобно бросился на него? Во многих случаях кузен выказывает свои странности! Например, отчего он так рассмеялся, когда я сказала лягушке...”

Утомленная Маргарита заснула на стуле. Желая победить сон, она привстала и вдруг очутилась у самых рвов, близ мраморных бассейнов, освещенных луною. Как удивилась она, когда увидела кругом и даже в самой воде тростник, которого она там прежде не замечала. Она так устала, что хотела отдохнуть на дерновой скамье, как вдруг королева Квакуша быстро скакнула к ней и стала ей говорить:

— Ты добрая девочка, Марго, ты спасла мне жизнь, и я вышла из своего дворца, чтоб дать тебе дружеский совет. Я знала, что найду тебя здесь, эти места мне известны, как мои пять пальцев. Выходи замуж за твоего кузена, моя милая, тебя ожидает с ним счастье и слава!

— Так вы не сердитесь на него за то, что он собирался лишить вас жизни?

— Он принял меня за простую лягушку, и с этой минуты я решила из предосторожности носить корону и мои драгоценные украшения. Сегодня же вечером я хочу одеться прилично моему званию.

— А где же ваша корона и драгоценности? — спросила удивленная Маргарита. — Где они?

— Они у тебя, Марго, и я пришла за ними к тебе.

— Как так?

— Узнай мою жизнь, которую я собиралась тебе рассказать в тот день, когда твой ужасный лебедь, которого ты называешь Геб, прервал мой рассказ. Узнай, что это принц Роланд! Послушай, как он рвется из своего заключения, он готов растерзать меня, но я прежде всего уверилась, что он под крепким запором, к тому же я знаю магические слова, чтоб держать его в повиновении. Теперь слушай меня и старайся извлечь для себя пользу из моего рассказа.

— Я — твоя прародительница, не по прямой линии, а прабабка прабабки твоей тетки Пюиперсе, матери твоего кузена полковника. Оттого я и принимаю участие и в нем, и в тебе. В настоящее время я волшебница, но была некогда простою смертною, как и ты, и родилась в этом замке. Меня звали Ранаидой, я была хороша как день, одним словом, так красива, будучи женщиной, как теперь хороша лягушкой. Отец мой занимался магией, преподавал мне тайные науки, и так как я была чрезвычайно умна, то и сделалась такой ученой, что мне стали доступны самые сокровенные тайны, и между прочими — тайны превращения. Я легко переменила свой вид и посредством известных снадобий и чародейства снова принимала свой прежний образ. Это давало мне возможность узнавать все, что делалось и говорилось на земле и в водах, тщательно скрывая свое могущество, потому что в то время невежества и суеверия я была бы предана сожжению как колдунья.

Мне было двадцать лет, когда принц Роланд женился на мне. Он был молод, богат, любезен и красив. Я любила его до безумия, у нас было много детей, и мы были чрезвычайно счастливы в этом замке, который в то время отличался пышностью и гостеприимством. Вдруг мне показалось, что муж мой ухаживал за одной из моих приближенных, которую звали Мелазией. Я подкараулила ее вечером около рвов вместе с человеком, закутанным в плащ. Я полагала, что это был мой муж, и превратилась в лягушку, чтобы иметь возможность

рассмотреть его вблизи или узнать его по голосу. Я притаилась между двумя камышами на мостиках через рвы, и он прошел близехонько от меня. Тут я поняла свою ошибку: незнакомец был пажем моего мужа и сам был равнодушен к Мелазии. Я так обрадовалась этому открытию, что поспешила возвратиться в свою комнату, а так как время было позднее, я бросилась в постель и сладко заснула, не подумавши, увы! принять напиток, который должен был вернуть мне мой настоящий вид.

Мелазия в обычный час вошла в мою комнату, чтобы разбудить меня, но так испугалась, увидав лягушку в мой рост, растянувшуюся на постели, что остановилась безмолвно в совершенном оцепенении, почему я и продолжала покойно спать. Как только она пришла в себя, то затворила тихонько дверь моей комнаты и побежала будить принца Роланда, чтобы спросить его обо мне и передать ему, что она видела на моей постели. Воображая, что девушка обезумела, принц прибежал в мою комнату, но когда он увидел меня в этом виде, никак не подозревая, что этой лягушкой была его жена, он взглянул на меня с отвращением, обнажил шпагу и одним ударом отрубил переднюю мою лапу. Мои чары спасли меня от смерти. Пока я скрывалась в образе, принятом мною посредством чар, разрушение не могло коснуться меня в продолжение двухсот лет. Я была ранена, но не смертельно, и потому стремглав бросилась на окно, а с окна в ров, в котором отнятая лапа в то же мгновение заменилась другою, такою же здоровою, как и та, которую ты теперь видишь. Оттуда я стала прислушиваться к суматохе, происходившей в замке. Делались распоряжения, чтобы отыскать владетельницу замка. Муж мой был неутешен, а я ждала наступления ночи, чтобы осторожно пробраться в покои. Я карабкалась, прыгала со ступени на ступень до своей комнаты и поспешила выпить напиток, который должен был вернуть мне прежнюю красоту. Увы! Напрасно я присоединяла к напитку самые таинственные заклинания и натиралась волшебными мазями, несчастная рука не выростала. Она оставалась лягушачьей лапой, и когда муж мой, убитый горем, приблизился к моей комнате с намерением прекратить там свое горькое существование, я едва-едва успела завернуться до половины в мой бархатный плащ, чтобы скрыть эту несчастную лапу.

Мой муж чуть не умер от радости, когда увидел меня. Он обнимал меня, проливая слезы, и осыпал вопросами. Ему казалось, что какой-нибудь злой дух похитил меня у него и желал знать, каким чудом я ему возвращена. Я придумывала разные приключения и в это время старалась освободиться из его объятий, чтобы скрыть от него мою лапу, но к несчастью, сознавала, что скоро откроется горькая истина. Тогда я прибегла к крайним мерам, к мерам ужасным, — я решила уничтожить того, кого любила более жизни.

Испуганная Маргарита хотела было встать и бежать подальше от ненавистой Ранаиды, но оставалась как бы прикованною влиянием чар, а лягушка продолжала свой рассказ следующим образом:

— Знай, дитя мое, что я не могла иначе действовать. Клятва, которую ничто не может ни уничтожить, ни изменить, заставляет всех, имеющих волшебную силу, умерщвлять каждого, кто каким-нибудь образом откроет ее. Как скоро мой муж увидел бы мою лапу, он должен был погибнуть и быть увлечен в пропасть духами, моими властителями и повелителями.

Нужно было во что бы то ни стало вырвать его из власти их, прежде чем ему сделается все известным. Я подмешала к его вину снадобье, от которого в то же мгновение, как он выпил его, у него выросли белые перья и большие крылья, менее чем через четверть часа он превратился в белого, как снег, лебедя. Таким образом он в продолжение двухсот лет был избавлен от смерти и власти духов, он должен был навсегда оставаться лебедем.

— Узнай, что нынешнюю ночью на заре исполнится ровно двести лет и что от тебя зависит возврат моей молодости, моей красоты и моего человеческого значения в мире.

— Я на все согласна! — сказала Маргарита. — Потому что вы верно окажете ту же услугу и

Гебу, то есть принцу Роланду.

— Конечно, — отвечала Ранаида, — это мое самое горячее желание.

— В таком случае, я готова. Говорите поскорее, что нужно делать.

— Для большей ясности ты должна выслушать мой рассказ до конца. Едва принц Роланд почувствовал свое превращение, как он, с самым ужасным ожесточением, бросился на меня с намерением умертвить меня. Может быть, в нем еще сохранилось настолько человеческого разума, чтобы сознать несчастье, которому я была невольною причиною, или он повиновался одному своему животному инстинкту, но злоба его была так велика, что я вынуждена была произнести магические слова, которые нас совершенно разъединяли в продолжение двухсот лет. Тогда он улетел с громким криком, и вчера только в первый раз я увидела его у болота — места моего нового жительства, куда он приходил за тобою.

— А отчего же, г-жа Квакуша, — спросила Маргарита, — вы были осуждены снова превратиться в лягушку и оставаться в этом виде двести лет, когда от вас зависело оставаться прекрасной женщиной, скрывая свою лапу от нескромных глаз.

— Такова была воля жестоких духов. Они не могли простить мне способа, придуманного мною для спасения моего мужа, и осудили меня на разлуку с моими детьми и на брак с Квакушей, царем лягушек, с которым я долго царствовала во рвах и после которого я теперь вдовою. Впоследствии замок перешел к твоей бабушке, и все снадобья, над которыми я так трудилась, или совершенно затерялись, или утратили свою силу. Но у вас находится неоцененное сокровище, которое может возвратить мне мою прелесть. Оно заключается в моем брачном волшебном уборе, который хранится в шкатулке кедрового дерева в комнате г-жи Иоланд. Это ваше самое редкое и драгоценное семейное достояние. Шкатулка принадлежит тебе, потому что бабушка намерена сделать тебя своею наследницей. Иди за нею и принеси ее сюда.

— Нет, г-жа Квакуша, — отвечала Маргарита, — я не решусь похитить то, что еще принадлежит моей доброй бабушке, разве с ее позволения...

— Да тут дело идет не о похищении, — продолжала Ранаида, — и я вовсе не хочу возврата своих вещей. Я их надену на одну только минуту, а как скоро возвратится мой настоящий вид, мне они ни на что не будут нужны, и я тебе их возвращу, потому что тебе-то они очень пригодятся. Эти волшебные драгоценности имеют силу одарять красотою самых безобразных, и если ты их наденешь на один только час, вместо того, чтобы походить на такую лягушку, как я, ты будешь такою же красавицею, какою я была прежде и какою опять буду, одним словом, первую красавицею в мире.

Маргарита не устояла против соблазна и поспешила за шкатулкой, но когда она стала доставать ее из шкафа, ей показалось, что бабушка, спросонья, смотрит на нее. Тогда она опустилась на колени перед ее кроватью, готовая во всем признаться, но г-жа Иоланд перевернулась преспокойно на другую сторону, и Маргарита поспешила выбежать из комнаты, потому что начинало уже рассветать. В то же мгновение она очутилась у бассейна, где ее ожидала царица Квакуша.

— Ах! Господи! — воскликнула она, подавая ей шкатулку, — ключа-то к ней нет, а я не знаю секрета, как открыть ее.

— А я знаю, — отвечала лягушка, прыгая от радости. — Тому, кто в жизни своей не сказал ни одной лжи, достаточно проговорить эти два слова: “Шкатулка, отопрись”!

— Так вы и скажите их, г-жа Квакуша.

— К несчастью, не могу, моя милая, потому что я поневоле лгала, скрывая тайну моей науки. А ты должна их проговорить, и тогда я удостоверюсь в чистоте твоих правил.

— Шкатулка, отопрись! — сказала Маргарита с полной уверенностью, — и шкатулка отворилась, извергая яркое огненное пламя, на которое лягушка не обратила никакого внимания. Она опустила в нее свои лапы и вынула сначала зеркальце в золотой рамке, потом блестящее изумрудное ожерелье, отделанное в старинном вкусе, такие же серьги с подвесками, убор для головы и кушак из жемчуга с изумрудными застежками. Она надела все эти украшения и посмотрелась в зеркало, делая самые странные ужимки.

Маргарита тревожно следила за нею, страшась, чтобы она не исчезла вместе со всеми вещами ее бабушки, но Квакуша и не помышляла о бегстве. Она находилась в полном упоении, охорашивалась и смотрелась в зеркало с беспорядочными движениями и смешными гримасами. Ее круглые глаза искрились ярким огнем, изо рта выходила зеленоватая пена, а тело ее принимало отливы серо-зеленоватые и багрово-синеватые, рост же доходил почти до человеческих размеров.

— Марго, Марго, — вскрикнула она, уже не смягчая голоса, — смотри и любуйся. Взгляни, как я расту, как я изменяюсь! Смотри, как я хорошею! Дай мне твою вуаль, я из нее сделаю пока одежду, скорее, скорее, нужно же одеться поприличнее... Да где же мой веер из перьев, куда ты его дела?.. Ах, вот он... нашла! А мои белые перчатки... подавай скорее мои надушенные перчатки! Ожерелье нехорошо застегнуто, застегни его покрепче! Какая же ты неловкая! О Боже! Где букет новобрачной... не остался ли он в шкатулке? Посмотри, поройся... вот он! Я его приколю к поясу! Взгляни! Чудо совершается. Венера — ничто в сравнении со мной! Я, одна я, настоящая Цитера, вышедшая из священных волн. Теперь начну танцевать. У меня делаются судороги в икрах, это признак превращения. Да, да, танцы ускорят мое искупление, я чувствую уже возврат моей прежней грации, пламя вечной юности охватывает все мое существо! Чх! Чх! Вот я начинаю чихать! Чх! Чх!

И говоря это, королева Квакуша неистово прыгала и скакала, но несмотря на все свои усилия, она все-таки оставалась лягушкой, — а горизонт начинал светлеть. Она смеялась, кричала, плакала, била мрамор бассейна задними лапами, махала веером, вытягивала передние лапы, точно балетная танцовщица, перегибала свой корпус и вертела глазами, точно алмея. Маргарита, все время в страхе смотревшая на нее, была так поражена необыкновенными телодвижениями ее, что вдруг разразилась самым безумным смехом и упала на дерн. Лягушка пришла от этого в страшный гнев.

— Замолчи, негодная, — закричала она, — твой смех мешает моим заклинаниям. Замолчи, иначе ты получишь достойное наказание!

— Ради Бога, простите меня, г-жа Квакуша, — отвечала Маргарита, — я не могла удержаться, но вы так смешны! Право, можно умереть со смеха!

— Я бы готова была тебя сей же час совершенно уничтожить, но, к несчастью, не могу этого сделать, — возразила Ранаида, бросаясь на нее и поводя по лицу ее скользкою холодною лапою, — это меня бесит, но ты отплатишь мне за мои страдания. Я хотела тебя пощадить, но ты уничтожила во мне чувство сострадания. Нужно положить всему конец! Страдания мои невыносимы! Пусть же мое безобразие перейдет на тебя, и тогда мое искупление ускорится. Ты и до этого была некрасива, вот тебе зеркало, полюбуйся и, если есть охота, посмейся теперь!

Маргарита взяла зеркало из рук волшебницы и вскрикнула от ужаса, увидев себя без волос, с зеленым лицом и совершенно круглыми глазами.

— Лягушка, лягушка! — воскликнула она в отчаянии. — Я делаюсь лягушкой! Я лягушка! Кончено! — И бросив зеркало, она невольно сделала прыжок и погрузилась в бассейн.

Несколько минут она оставалась в каком-то бессознательном усыплении. Между тем солнце взошло на горизонте и залило, точно целым огненным морем, всю природу, поглощая верхушки тростника над ее головою. Тогда она очнулась, решила всплыть на поверхность воды, и ей представилось необыкновенное зрелище: несчастная Квакуша лежала безжизненная на берегу, лапки ее были подняты вверх, и все туловище ее совершенно омертвело. У нее была ужасная голова человеческого вида с длинными зелеными водорослями вместо волос, остальная часть туловища, в размерах обыкновенного человеческого роста, была матовой белизны, морщинистая и сохраняла формы лягушки. Возле нее стоял принц Роланд, облаченный в серебряные доспехи с золотою перевязью, в каске с белоснежным нашлемником, на плечах же его оставались большие лебединые крылья. Он снимал с Квакуши волшебный убор, в который Ранаида напрасно нарядилась.

— Подойди ко мне, Маргарита, — сказал он, — и поспеши надеть эти драгоценности, которые возвратят тебе твой первоначальный вид, никогда не пытайся украшать себя силою волшебства. Оставайся благоразумною и доброю девочкой и ищи мужа, который полюбит тебя не за наружную красоту. Прощай, смерть этой преступной волшебницы выкупила меня из неволи, на которую я был осужден в продолжение двухсот лет. Не жалею о ней, она тебе лгала в своем рассказе и хотела умертвить меня, чтобы иметь возможность похоронить вместе со мною свои преступные тайны. Но духи, которых она напрасно настраивала против меня, приняли меня под свою защиту. Теперь я возвращаюсь к ним, но буду заботиться о тебе, если ты останешься всегда достойною моего покровительства.

Он расправил свои крылья и поднялся по направлению солнечных лучей. Маргарита увидела его в воздушном пространстве, она приняла его сначала за Геба в золотом ожерелье, потом он ей представился утренней звездой, и когда он совершенно скрылся из вида, она стала искать труп лягушки, но на месте его нашла отвратительный черный-пречерный гриб, который расплылся от дуновения ветра.

Она снова очутилась в своей комнате на стуле, а солнце светило ей прямо в глаза. Она подбежала к зеркалу и в первый раз в жизни осознала себя очень хорошенькою, только казалась несколько утомленной.

— Неужели это был сон? — подумала она. — Но отчего же на мне надеты старинные драгоценности, которыми бабушка так дорожит. Уж не во сне ли я ходила за ними.

Она сняла их с себя, положила в шкатулку, пошла ко рвам и заглянула в шалаш, думая найти там Геба.

— Вы ищете лебедя? — спросил, ее садовник. — Он улетел. На заре я видел, как он взвился за стаей диких лебедей, которые здесь пролетали. Я вам часто говорил, барышня, что нужно бы подломить ему кончик крыла, вам не угодно было меня послушать, вот он и улетел.

— Тем лучше, — сказала Маргарита, — потому что он теперь счастлив на свободе, но в то время, как он улетал, не заметили ли вы чего-нибудь около рвов высокого тростника?

— Тростника? Еще бы! Я беспрестанно смотрю за чистотою, и сегодня еще повыдергал все отростки, которые пробиваются вокруг бассейнов, и усыпал все песком.

Маргарите сначала показалось, что на песке точно следы лягушачьих лап, отпечатавшихся во время неистового танца Квакуши. Но взглядевшись внимательно, она узнала следы павлинов, приходивших обыкновенно копать в земле.

В то же время она услышала шум проезжавших лошадей и, взглянув, узнала на подъемном мосту своего кузена Пюиперсе, уезжавшего в сопровождении своих слуг. Она совершенно о нем позабыла и несколько не огорчилась его отъездом. Она могла заставить его вернуться одним словом. Она это знала и на мгновение задумалась, потом пожала плечами и

равнодушно смотрела на удалявшегося полковника.

Возвратившись домой, она увидела служителей замка, собравшихся на крыльце и деливших между собою то, что уезжая драгунский полковник бросил им на водку. Они роптали, что им приходилось не более, как по одному су.

— Может быть, он намерен возвратиться, — подумала Маргарита, — оттого он их и наградил так мало, а может быть он очень беден, а в таком случае его нельзя и винить.

— Виделась ли ты с своим кузеном? — спросила ее г-жа Иоланд, когда она вошла к ней с шоколадом — Остается он у нас или нет?

— Я его видела издали, когда он уезжал, бабушка, но с ним не говорила.

— Отчего же?

— Сама не знаю! Может быть оттого, что я слишком была встревожена сном, который хочу вам рассказать. Но так как этот сон или видение был следствием смутного воспоминания сказки о волшебной лягушке, которая меня усыпляла, я вас попрошу повторить мне ее как в детстве.

— Я едва ее помню, — отвечала г-жа Иоланд, — мне тем труднее передать тебе ее без изменения, что я при рассказе каждый раз изменяла ее. погоди, я, может быть, и припомню... Жила-была в этом замке прекрасная наследница, которую звали...

— Ранайдой, — воскликнула Маргарита.

— Совершенно верно, — сказала бабушка, — она была волшебницей...

— И вышла замуж за прекрасного принца... скажите-ка его имя, добрая мама!

— Постой, дай припомнить!.. Вспомнила — принц Роланд!

— Теперь мне понятно, что я во сне видела эту сказку, но так ясно, как будто все происходило перед моими глазами.

— А конец?

— Ужасный! Лягушка, желая принять человеческий образ...

— Так надувалась, так надувалась, что наконец и лопнула?

— Именно так.

— А для развязки тебе послужила басня, которую ты учила в одно и то же время, потому что мне никогда не приходилось кончать сказку, которая тебя усыпляла ранее развязки.

В это самое мгновение сильный порыв ветра принес в комнату множество сухих листьев и соломинок. Маргарита пошла затворить окно и увидела на нем листок исписанной и разорванной бумажки. Он походил на черновое письмо, и она собиралась бросить его за окно, как вдруг увидела на нем свое имя. Тогда она подала его бабушке, которая взяла его и, внимательно рассмотрев, передала ей обратно, говоря:

— Это начало письма твоего кузена к матери. Ветер занес его из комнаты, которую он занимал, а так как мы с тобою в настроении верить духам, то не худо поблагодарить домового, которому, вероятно, мы обязаны открытием тайны твоего кузена. Я разрешаю тебе прочесть это письмо.

“Милая матушка, простите все мои глупости, которые я надеюсь скоро загладить, женюсь на Маргарите. Я узнал, что она наследница всего состояния старой тетушки и потому решаюсь вступить с нею в брак. Девочка самая безобразная, настоящая лягушка, или скорее похожа на зеленую жабу, а ко всему этому страшная кокетка и без ума от меня, но так как мы с вами в долгах, то...

Черновое письмо этим и кончалось, но для Маргариты этого было довольно, она молча смотрела на раздраженную бабушку, которая совершенно убедилась в дурных свойствах своего племянника. Маргарита сказала ей:

— Не будем досадовать, добрая мама, а лучше посмеемся надо всем случившимся. Я совсем не влюблена в кузена, и меня нисколько не оскорбляет его тщеславие. Вчера вечером вы мне велели хорошенько поразмыслить. Не знаю, размышляла я или просто спала, но в моих сновидениях мне представлялось то, что послужило мне прекрасным уроком.

— Что же ты видела во сне, дитя мое?

— Я видела лягушку, рядившуюся в богатые изумруды, она обмахивалась веером, танцевала сарабанду, красовалась и, наконец, лопнула. Она мне казалась такую смешною, и я не хочу походить на нее... Я видела еще прекрасного лебедя, скрывшегося за солнечными лучами, он мне сказал: “Ты найдешь счастье лишь с тем, который полюбит тебя без всяких украшений.” Я хочу последовать его совету.

— И будь уверена, что тебя каждый полюбит такую, какую создал тебя Господь, — отвечала г-жа Иоланд, целуя ее, — потому что заслуженное счастье — лучшее украшение.